

Анатолий Терещенко ШПИОНСКИЕ

ИСТОРИИ

Мир шпионажа

Анатолий Терещенко
Шпионские истории

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2015

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)

Терещенко А. С.

Шпионские истории / А. С. Терещенко — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2015 — (Мир шпионажа)

Как зарождалась и развивалась шпионская сеть и менялись методы ее работы в России? Почему человек становится предателем и какую цену ему приходится за это платить? Обо всем этом рассказывает новая книга Анатолия Терещенко «Шпионские истории». Будучи выпускником ВКШ КГБ СССР, автор много лет проработал в системе Госбезопасности и не понаслышке знает, как разрабатываются и обезвреживаются агенты. Автор также анализирует причины падения человеческой личности и последствия предательства на примерах судеб конкретных людей. Произведение охватывает события со времен Отечественной войны 1812 года до наших дней. Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)

Содержание

Предисловие	5
Книга первая	8
Игры Наполеона и с Наполеоном	8
Дело Ротмистра Савана	12
Шпионство полковника Плятера	16
«Дипломатия» Луи де Нарбонна	19
Миссии посла Куракина	24
Агенты полковника Чернышева	27
Книга вторая	33
Царская империя в огне	33
Мотор германской разведки	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анатолий Терещенко

Шпионские истории

Предисловие

Предательство – это восстание против Бога.
Н. Боханов

Обидно, когда ты – Иуда, а тебя продают, как Христа.
А. Давидович

Шпионаж и разведка, предательство и геройство – грани тайной войны. Разведка – одна из старейших профессий на земле. Как и поэзия, она упоминается в строчках шумерского эпоса о Гельгамеше. Ведь слово «разведка» изначально обозначало проведение какого-либо тайного обследования со специальной целью. А по сути – это механизм для решения важнейших, для той или иной страны, задач. Предательство тоже сродни одной из древнейших профессий, название которой все знают.

По свидетельству Полибия, задолго до своего похода в Италию Ганнибал отправил туда шпионов, поручив им собрать самые точные сведения о плодородии долины По и подножия Альп, о населении этих местностей и местах дислокации боевых частей и подразделений противника.

Еще в Новгородской, а затем в Киевской Руси разведка считалась делом не столько государевым, сколько государственным. Она велась ведомствами по двум направлениям: внешнеполитическим и военным. Русские подданные использовались для сбора разведанных в роли послов, посланников и других сотрудников посольств и делегаций.

В России были наиболее известны пять зловещих типов, олицетворяющих понятие предательства: Андрей Курбский – в Ливонской войне, Иван Мазепа – в Северной войне, Андрей Власов – в войне с гитлеровской Германией, Михаил Горбачев и Борис Ельцин (Эльцин) – в «холодной» войне с последующим умышленным развалом большого государства. На Руси от вождей многое зависело и зависит, в том числе и судьбы страны. Сюда надо присовокупить и кровавые последствия этого грехопадения для всех народов страну образовавших. Попытки героизации и оправдания предателей родины всегда находили осуждение среди большинства людей, так как в основе предательства лежит один из смертных грехов – гордыня. Предатели – это всегда слабые, трусливые люди, нередко пытающиеся оправдать свои грехопадения. Как известно, подлость всегда ищет оправдания.

Предательство в форме шпионажа старо как мир. В царское время это понятие называлось «шпионство», а в современный профессиональный обиход оно вошло как «шпионаж». Шпионаж – это, прежде всего, противозаконная разведывательная деятельность спецслужб иностранных государств по добыванию официально засекреченной информации через свою агентуру.

Владимир Иванович Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» определил понятие шпиона как соглядатая, лазутчика, скрытого разведчика...

Глагол «шпионить», помимо базового значения, обозначает «заниматься разведывательной работой», «наблюдать, подсматривать с плохими намерениями».

Но есть различие между «шпионом» и «разведчиком». Так агентов внешней разведки собственной страны, добывающих теми же способами материалы секретного характера в дру-

гих государствах, принято называть не шпионами, а разведчиками. В патриотической литературе шпионами называют агентов иностранных разведок, а разведчиками – своих шпионов.

На Брюссельской конференции 1874 года предлагалось подвергать неприятельских шпионов смертной казни без суда и следствия, но это предложение не прошло. В соответствии с нормами международного гуманитарного права, в отличие от шпиона, разведчик – это лицо из состава военнослужащих противника, собирающее информацию на территории противной стороны, не считался лицом, занимающимся шпионажем. Это касалось в основном фронтовых разведчиков. Такие лица должны были носить форменную одежду своих вооруженных сил. Поэтому, в случае задержания разведчик имел право на статус военнопленного. Все другие разведчики, по определению, считались шпионами.

В Российской империи «Уложение о наказаниях», изданное в 1885 году, предусматривало лишь ответственность за сообщение иностранным державам планов крепостей, гаваней, портов, arsenалов и опубликование их без дозволения правительства.

Уголовное уложение 1903 года содержало уже более широкое определение шпионажа. Наказание предусматривало каторжные работы.

В отношении военнослужащих 11 февраля 1903 года императором был утвержден особый закон: за все случаи шпионажа в мирное время они карались смертной казнью.

В СССР шпионаж входил в понятие государственной измены и до 1960 года определялся статьей 58-1а Особенной части Уголовного кодекса РСФСР, введенной в действие постановлением ЦИК СССР 8 июня 1934 года:

«Измена Родине, то есть действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок до 10 лет с конфискацией всего имущества».

В Уголовном кодексе РСФСР от 1960 года «Измена Родине» была выделена в отдельную 64-ю статью:

«Измена Родине, то есть деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти, – наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертной казнью с конфискацией имущества».

В Российской Федерации понятие государственная измена предусмотрена статьей 275 УК РФ, то есть:

«...шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, совершенная гражданином Российской Федерации, – наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере

заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового».

Шпионаж, совершенный иностранцем или лицом без гражданства, по УК РФ влечет наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до двадцати лет.

В этой книге автор попытался дать срез эпохальным событиям трех войн и двух революций в нашем Отечестве на протяжении взорванного XX века. В основном через предательство верхов и равнодушные низов Царская Россия и Советский Союз прекратили свое существование, в результате чего появилась Российская Федерация с усеченной территорией и необустроенными границами. Немаловажное значение в разрушении Отечества на разных стадиях его исторического развития сыграли «кроты», как чужие, так и свои доморощенные.

О шпионских страстях и пойдет речь в этой книге.

Книга первая Первая Отечественная война

Игры Наполеона и с Наполеоном

Тяжелый 1812 год – год начала Первой Отечественной войны императорской России с Францией и ее союзниками – вассалами Наполеона Бонапарта, создавшего почти что полутора миллионную армию для покорения России. В Европе он уже хозяйничал, поставив ее на колени. Война против Российской империи была захватническая и, в первую очередь, в угоду крупной французской буржуазии. Прежде всего, Великий император и полководец хотел заставить Россию подчиниться экономическим интересам Франции и создать россиянам вечную угрозу в виде зависимой от французов Польши, присоединив к ней Литву и Белоруссию.

В Варшаве руководители страны не скрывали надежд на то, что при помощи Наполеона они смогут отхватить у России и другие земли – южную черноземную Украину и таким образом добраться до Черного моря. Они потирали руки в ожидании битвы, которая была уже не за горами.

Париж готовился к военно-экономическому прыжку.

Для французов нужны были «чистые» рынки сбыта своих товаров по всей Европе, в том числе и в Российской империи, с обязательным вытеснением англичан с европейских прилавков. А коль Россия не соблюдала блокады английским товарам, значит, ее надо принудить, чтобы она ничего не покупала у англичан и ничего не продавала. Особенно это касалось вывоза российского сырья в Британию: пушнины, пеньки, древесины, зерна и др. товаров, считавшимися тогда стратегическими.

Был еще один фактор, негативно влияющий на взаимоотношения двух стран и двух императоров. Дело в том, что после поражения русских войск в битве под Фриндландом в июне 1807 года Александр I заключил с Наполеоном Тильзитский мир, согласно которому дал обязательства присоединиться к континентальной блокаде Англии. По соглашению с французским императором Россия в 1808 году отторгла у Швеции Финляндию и сделала ряд других территориальных приобретений.

Надо признать, что накануне войны с Россией у великого полководца возникали сомнения в успешности планов развертывания своей Великой армии в сторону России. А.С. Пушкин по этому поводу отмечал, что «гроза двенадцатого года еще спала... Еще Наполеон не испытал великого народа, еще грозил и колебался он...»

С каждым месяцем в нем росла и крепла уверенность в необходимости обуздать Россию, по мере его побед в Европе, в том числе и над австро-российскими войсками, 2 декабря 1805 года в битве под Аустерлицем, под Эйлау 8 февраля 1807 года и 14 июня того же года под Фриндландом. После неудачных боев в Европе Александр I заключил с Наполеоном мир во время личного свидания в г. Тильзите. Русский император понимал, что его армия недовольна этим позорным соглашением, по которому Наполеон принудил царя примкнуть к «континентальной блокаде» Англии. Русские землевладельцы и купцы пострадали от этих кабальных договоренностей.

* * *

Мысль о важности разведки и контрразведки Наполеон пронес по всей своей походной и политической жизни как маршальский жезл, начиная должности с командующего армией, а

затем первого консула и императора Франции. Он не жалел ни сил, ни средств на ведение тайной войны в стане противника. Политическая международная агентура велась непрестанно и настойчиво. Он заставлял консулов и дипломатов высших рангов активно участвовать и помогать военной разведке в сборе данных о войсках противника.

Спецслужбы Наполеона возглавляли такие опытные мастера тайных операций как Савари, Дюрок, Бельярд, Биньон и другие.

Как великий полководец, Бонапарт прекрасно понимал, что разведка – Бог всякой войны, а контрразведка – Ангел Хранитель. После блестящих побед в 1805 и в 1807 годах над австрийцами, пруссаками и русскими под Ульмой, Аустерлицем и Фриндландом, он в беседе со своими маршалами заметил:

«Верьте мне, анализируя исходы военных баталий, невольно пришел к выводу, что не столько храбрость пехоты или отвага кавалерии и артиллерии решали судьбы многих сражений, сколько это проклятое и невидимое оружие, называемое шпионами».

Эти слова были произнесены не философом, раздумывающим в тиши кабинета о роли личности в истории, не правительственным чиновником, считающим армию нахлебницей народа, не писателем-миротворцем, не знающим для чего в государстве живет особой жизнью армия, а великим дирижером полков и дивизий в их военной игре. И Наполеон это сказал не в укор своим прославленным героям полевых баталий, а ради понимания высочайшей роли военной разведки и контрразведки в армии, влияющих на исход боевых сражений.

Полководец прекрасно понимал, что без пронырливости и ловкости таких людей как Карл Людвиг Шульмейстер и ему подобных он не одержал бы больших побед. Дивизионный генерал и один из руководителей военной разведки армии Наполеона Савари – участник походов против Австрии, Пруссии и России в 1805 году так характеризовал в письме к Наполеону главного агента в Вене, внедренного в австрийский генштаб:

«вот, Ваше величество, человек, составленный сплошь из мозгов, без сердца».

Шульмейстер, работая на французского императора, сумел очень ловко и быстро войти в доверие к генералу Венду, стоявшего во главе военной разведки Австрии, которого нередко дезинформировал, приближая этим самым поражение противника.

В мемуарах министра наполеоновской полиции Жозефа Фуше относительно роли шпиона Шульмейстера в кампании 1805 года говорится:

«Наполеон замечательно искусно сбил с толку Макса, который точно окаменел на своей ульмской позиции.

Все австрийские шпионы были очень легко подкуплены, тем более что большинство из них уже изменили своим в Италии, где немало содействовали поражениям Альвинчи и Вурмзера.

Теперь стали действовать на широкую ногу, и точно, все австрийские штабы оказались обманутыми.

Я отдал Саварини, заведовавшему шпионством при главной квартире, все мои секретные записки о Германии, и он быстро с большим успехом разобрал их с помощью знаменитого Шульмейстера – истинного протоиерея по части розыска и субординации...

Раз бреши были таким образом пробиты, все остальное было пустяком для наших храбрых солдат».

Во время итальянских походов Бонапарт, приказывая своим генералам хорошо владеть знаниями о противнике через засылку в стан противника лазутчиков, не гнушался лично проводить явки с ценной агентурой.

Так художник Биожи, находившийся при императоре для фиксации исторических моментов, отмечал:

«Трудно себе представить ту массу лиц, которые каждый день имели к нему доступ; тут были и изящно одетые дамы и лица разных сословий, он им хорошо платил, а потому и знал все».

О явной подготовке Наполеона к прыжку на Россию русский император узнал от известного мастера политической интриги, министра иностранных дел Франции Шарля Мориса де Талейрана, вскоре смещенного со своего поста французским императором и готового за деньги служить хоть сатане, о чем говорит его служба при трех политических режимах во Франции. Недаром имя «Талейран» стало практически нарицательным для обозначения хитрости, продажности и коварства.

Надо сказать, что на счету наполеоновской разведки не мало было проведено успешных операций в Италии, Германии, Австрии, Англии и России. Но она всякий раз оставалась как бы в тени на фоне побед французского оружия, хотя по признанию и самого Наполеона и его маршалов почва для них добывалась и обуславливалась достижениями и успехами разведчиков.

Непосредственным помощником Бонапарта в делах руководства разведкой в ходе боевых действий с частями русской армии выступали министр иностранных дел Маре и командующий Эльбским корпусом в Северной Германии маршал Даву. В штаб корпуса военачальника поступали разведывательные сведения о русской армии, полученные из войск, а в Париж к министру – депеши от французских дипломатов и секретных агентов.

Наполеон считал, что центром тайной войны против России должно быть его посольство в Петербурге, а поэтому внимательно следил за работой дипломатов и военных агентов (атташе) и высоко ценил расторопных работников на ниве тайной войны.

Примером этого может стать высоко оцененная императором служба первого наполеоновского посла в России генерала Савари, ставшего в последующем министром полиции, сменив на этом посту знаменитого Жозефа Фуше.

Противоположным доказательством жесткой реакции на нерадивость французского либерала, холодно относившегося к шпионажу, был резидент военной разведки генерал Коленкур, которого Наполеон отозвал из России. При встрече по приезду в Париж он в резкой форме высказал ему свои претензии.

– В чем причина, мой император, моего спешного отъезда из России? – спросил Коленкур.

– Причина? Для вас, аристократа по родословной, разведка «подлое ремесло». Вы не справились со своими главными обязанностями – искать и докладывать то, что нужно империи и ее великой армии... Французские генералы, даже находясь в Париже, о положении в России осведомлены много лучше, чем дипломаты, наблюдавшие страну вблизи, буквально из окон посольства в Петербурге, – последовал жесткий ответ Бонапарта.

* * *

Как видит читатель, столь бурная деятельность наполеоновских спецслужб не могла остаться незамеченной российским императором. В период с 1810 по 1812 год на территории Российской империи было разоблачено тридцать девять шпионов, работавших на Францию. Однако, Комитету охранения общей безопасности и Министерству полиции становилось все труднее прицельно и качественно работать по выявлению лазутчиков.

Поэтому с учетом сложившейся обстановки было решено создать специальный орган военной разведки и контрразведки под названием «Особая канцелярия при военном министре» (ОКВМ). Главным механизмом деятельности этой канцелярии являлся военный агент (*ныне военный атташе*. – Авт.) В сотрудники ОКВМ, как правило, подбирались опытные полицейские чины, офицеры, сотрудники таможни и других силовых структур.

В 1810 году по указанию военного министра России Барклая-де-Толли за рубежи России в наши посольства были направлены военные представители с основной задачей – ведение разведывательно-агентурной работы. Вначале отобрали 7 человек из знатных дворянских родов, как наиболее подходящих для деятельности стратегической разведки во Франции и странах-сателлитах Наполеона. Так сказать, «великолепную семерку» пригласил в кабинет военный министр России, будущий генерал-фельдмаршал М.Б. Барклай-де-Толли для дачи окончательного инструктажа. Михаил Богданович поставил офицерам задачу – добыть информацию: о планах Наполеона; о местах расположения его войск и их концентрации на границах с Россией; о военно-экономическом потенциале Франции и ее сателлитов.

Во Францию отправились – Александр Чернышев, Григорий Орлов, Павел Брозин; в столицу Баварии город Мюнхен – Павел Грабе; в столицу Саксонии город Дрезден – Виктор Прендель; в Вену – Федор Тейль фон Сераскеркен; в Берлин – Роман Ренни.

Первые военные разведчики не подвели российского императора и военного министра. К началу 1812 года на столе Александра I лежала подробная карта с местами дислокации крупных французских гарнизонов, направлениями передвижения войск и районами их сосредоточения. Была названа и их точная численность – 450 тысяч человек, с которыми Наполеон перейдет российскую границу.

По указанию военного министра руководству Особой канцелярии было предложено проанализировать все собранные разведданные и подготовить соответствующий меморандум с предложениями тактики и стратегии ведения русской армией боевых действий с будущими оккупантами. Меморандум был доложен Барклаю-де-Толли. В нем, в частности, предлагалось:

«Уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопущение до фуражировки и решительность в продолжении войны – суть меры для Наполеона новые, для французов утомительные и союзникам их неприемлемые».

Именно этой рекомендательной канвы, созданной нашими военными разведчиками, при сопротивлении французам придерживался Барклай-де-Толли, а затем и Кутузов, что привело к поражению Наполеона в войне с Россией.

Дело Ротмистра Савана

Исторические события с драматическим подтекстом, в которых перемешались имперские амбиции Франции, Австрии и России, геополитические интересы Пруссии и Саксонии, запутали эти страны в клубок, распутать который могли их императоры только при свете огненных баталий. Эти сражения в конце XVIII века привели к неоднократным разделам Польши и потере ее государственной самостоятельности.

25 ноября 1795 года последний король Речи Посполитой – Станислав Август Понятовский сложил свои полномочия. Государство с населением в двенадцать миллионов человек было разделено между тремя соседями – Пруссией, Австрией и Россией. После этого поляки стали искать пристанище за границей. Более осведомленные политически, молодые и сильные, нашли его во Франции.

Уже к 1797 году в составе «итальянской» армии генерала Бонапарта сражались два польских легиона под командованием Яна Генриха Домбровского. Их маршевой песней стал гимн, начинающий словами: «Еще Польша не сгинела» – (*Польша еще не погибла.* – Авт.) Нужно признаться, что в Отечественной войне 1812 года поляки были самыми самоотверженными из союзников Наполеона, потому что он возвращал полякам надежду на восстановление государственности, хорошо чувствуя желание этого народа к восстановлению страны.

Поляки это почувствовали летом 1807 года, когда в прусском городке Тильзите после нескольких побед Наполеона в Европе, императоры Франции и России заключили некий союз-соглашение, в результате которого стало возможным создание на отторгнутых от Пруссии и Австрии бывших польских землях, Великого герцогства Варшавского. Конечно, эта страна несравнима с Речью Посполитой, но патриотические чувства грели души многих поляков, считавших, что именно сейчас возродилась идея возврата их земель, ставших теперь российскими.

Именно в это время появляются высоко значимые слова великого польского поэта Адама Мицкевича:

«...И повторяют все с восторгом умиленным: «С Наполеоном Бог, и мы с Наполеоном!»

В Польше у Бонапарта появляется новая привязанность – молодая красивая полячка графиня Мария Валевская, с которой у императора закружился очередной роман. В мае 1810 года у Марии родился сын. Сын императора Франции! Александр Валевский стал со временем известным дипломатом, сенатором Франции.

Поляки восприняли эту любовную интрижку как доказательство того, что Наполеон не бросит их на пути возрождения Большой страны. Мария становится национальным символом, народной героиней.

А что Россия? Она видит в образовавшемся герцогстве не что иное, как трамплин для Наполеона, с которого он готов прыгнуть в ее сторону, чтобы покорить силой Великой армии очередную страну.

Начавшая Первая Отечественная война 1812 года подтвердила правильность этих выводов. 24 июня в шесть часов утра войска Наполеона вошли в российский город Ковно, форсировав реку Неман. Вместе с французами втянется в Россию и 5-й (Польский) почти сотысячный корпус, который примет участие практически во всех важных сражениях этой войны.

Кстати, он будет почти весь уничтожен на русской земле, а его остатки будут задействованы в качестве конвоя для сопровождения императора во время его поспешного бегства из России в ноябре, после катастрофы на Березине. В последней битве под Лейпцигом в октябре 1813 года польские части, возглавляемые Юзефом Понятовским, не уступали в храбрости

самим французам. За самоотверженность и мужество Понятовский был произведен в маршалы Франции и погиб через день после получения этого высокого звания.

Война закончилась победой русского оружия. Император Александр I решил польский вопрос достойно для поляка. Великое Герцогство Варшавское превратилось после войны в Царство Польское в составе России с широкой автономией и своей Конституцией.

* * *

Именно в это время было впервые продемонстрировано мастерство нашей контрразведки в оперативной игре с противником. Отставной ротмистр Русской армии Давид Саван в 1810 году проживал в Великом Герцогстве Варшавском – вассальном государстве Наполеона. Потеряв заработок в связи с увольнением, он и его семья длительное время испытывали материальные затруднения. Пытался устроиться в школу преподавателем, но всегда получал отказ. Эти трудности были искусственно созданы сотрудниками военной разведки Герцогства, считавшими его наиболее подходящей кандидатурой для вербовки в качестве агента для работы против России.

В поисках заработка недели проходили за неделями, а руководители учебных заведений всякий раз давали ему «от ворот поворот». Другие, подобные ему знакомые устраивались, и тогда Давид стал догадываться, что он кому-то нужен в другом качестве. Момент истины наступил в один из мрачных зимних дней, когда с ним встретился сотрудник местной полиции и сказал, что его хочет видеть начальник Генерального штаба и руководитель разведки герцогства, генерал Фишер.

– Чем я ему могу быть полезен? – спросил Давид.

– Наверное, заслужили, пан Саван. Не каждому доводится беседовать с таким высоким начальником, – вполне логично ответил полицейский.

На встрече Фишер поинтересовался семейным положением.

– Гол как сокол, – ответил ротмистр, – и никаких перспектив.

– А я их вам нашел, – улыбнулся военный чиновник.

– ???

– Да, да, нашел.

– И чем же я должен заниматься?

– Вы должны помочь герцогству в выяснении некоторых обстоятельств по военным вопросам в России, – заметил Фишер. – Суть их будет вам доведена только после согласия. Согласитесь, вам и вашей семье будет обеспечено безбедное существование.

Давид Саван согласился на сотрудничество и зимой 1811 года, получив подробный инструктаж по выполнению секретного задания и деньги, отправился в Вильно. Он как русский патриот заранее решил, что на российской территории придет с повинной. Так и случилось. В городе он обратился к начальнику гарнизона и рассказал все, как было. К работе со сдавшимся агентом подключились контрразведчики из Особой канцелярии, которые не могли упустить такой благоприятной возможности, и по приказу Барклая-деТолли включились в оперативную игру.

Офицеры военной контрразведки отправили к Фишеру своего агента с обилием «правдоподобных» дезинформационных материалов, мастерски подготовленных в штабе 1-й российской армии.

Наполеоновская армия сидела на скудном пайке в плане информации о Русской армии, поэтому данные новоявленного французского «шпиона», отставного ротмистра Савана, поразили своей глубиной и достоверностью. Фишер был доволен. Он приказал устроить агента в ведомство барона Биньона – руководителя секретной службы передового базирования наполеоновских войск и французского резидента в Варшаве.

«Здесь Саван, – как писал Игорь Атаманенко, – одной рукой верстал планы обучения французских секретных агентов, подготовленных к засылке в Россию, а другой составлял шифровки, в которых сообщал о них контрразведчикам из Особой канцелярии. Нетрудно догадаться каков был конец выданных лазутчиков.

Через Савана, пользовавшегося безусловным доверием Биньона, русским контрразведчикам удалось прогнать огромный объем дезинформации о количестве и качественном составе Русской армии, о планах ее командования. Но главная заслуга этого канала состояла в том, что с его помощью удалось ввести в заблуждение даже самого гения войны – Наполеона».

Ставка делалась на главное оружие россиян – необозримые просторы. В связи с тем, что из Парижа от наших военных агентов были получены достоверные сведения о планах Наполеона – дать генеральное сражение Русской армии на границе, контрразведчики Особой канцелярии подготовили дезинформацию для своего агента Савана. Суть ее заключалась в том, что якобы военный министр России Барклай-деТолли подготовил план встречи французской армии на границе с целью ее разгрома до проникновения французов на территорию России.

Саван по приезду в Варшаву встретился с бароном Эдуардом Биньоном.

– Ну, что, какие новости ты привез? – спросил барон.

– Господин Биньон, по приказу Барклая-де-Толли русские армии готовят вам дать генеральное сражение под Ковно. Военный министр приказал стянуть туда многие армейские части – дивизии и корпуса.

– Вы сами-то наблюдали передвижения войск в этом направлении?

– Да некоторые обозы видел, – последовал ответ Савана...

Каково же было удивление Наполеона, когда он на всем протяжении от Немана до Двины практически не встретил никакого сопротивления из-за отсутствия войск неприятеля. Он вел свою армию, вынуждая ее растягиваться как гармошку, вел по русской земле, занимая без боя города и села. Теперь ему нужно было у Великой армии отщипывать солдат для гарнизонной службы, для охраны отстающих тыловых обозов, для борьбы с партизанами.

С первых дней вторжения наполеоновское воинство принялось грабить население, поджигать дома, вырезать домашних животных, опустошать сады, насиловать женщин. Действия французов вынудили русских, украинцев и белорусов объединиться и подняться на священную Отечественную войну. Большую роль в войне сыграло народное ополчение, объединившее мещан и казаков, крестьян и рабочих, помещных дворян и граждан других сословий.

При приближении французов жители сел и городов вместе с семьями уходили в леса, забирая с собой продовольствие, угоняли скот, поджигая копны с хлебными снопами и стога с сеном. Французам пришлось голодать, а лошади их кавалерии гибли от бескормицы.

А в это время на балах в Варшаве польские дамы толковали примерно так: «Одна только Франция любит нас. Посол устраивает нам танцы зимой, а император весной подарит нам освобожденную большую Польшу – вторую Речь Посполитую».

Но скоро полякам пришлось разочароваться: большой Польши не получилось.

Наполеон понял, что ему всучили дезинформацию. Биньон сразу же почувствовал, что Савана могли перевербовать русские. Подозрения усиливались с каждым днем «победоносных» продвижений Великой армии по России.

Саван уловил изменения в отношении к нему французского разведчика. По приказу Барклая-де-Толли 3 июля 1812 года агента с семьей срочно вывезли из Варшавы и направили на постоянное место жительства в глубокий тыл – Казань. За положительную работу на ниве контршпионажа власти ему пожаловали ежегодное содержание в 1000 рублей. По протекции военного министра сыновья Савана были приняты студентами в Казанский университет.

Дело ротмистра Савана явилось отдельным эпизодом в деятельности русской контрразведки в период Первой Отечественной войны. Сотрудниками Особой канцелярии была разоблачена агентура французских спецслужб в ряде городов России: Москве, Бресте, Риге, Санкт-Петербурге, Смоленске, на Украине и Дону.

Шпионство полковника Плятера

Походы Александра Македонского, Ганнибала Барка, Золотоордынских ханов говорят, что расстояния никогда не были преградой для личностей, одержимых замыслом покорения новых земель. Наполеон был как раз из таких личностей и прекрасно понимал, что в любой войне идет состязание спецслужб – разведок и контрразведок. А еще он неплохо знал историю восстаний Степана Разина и Емельяна Пугачева против русского престола. Осведомлен он был и о прекрасных боевых качествах донских казаков: смелости, решительности и высокой выучке.

«Дайте мне казаков, и я один с ними пройду всю Европу», – как-то воскликнул полководец.

В исторической литературе есть и другое его заявление: «Дайте мне 25 тысяч казаков, и я положу «к ногам» Европу». Такова была оценка донского воинства великим полководцем. А поэтому он требует от соответствующих служб, как можно быстрее «завязать связи» на территориях донского казачества, «заложить очаги восстаний». Главный упор пожизненный консул Франции делал на вольнолюбивое население Дона и недовольную польскую и литовскую шляхту.

«А что, если подбить казаков на бунт против российского царя? – рассуждал, задавая сам себе вопрос Наполеон, вынашивая планы нападения на Россию. – Надо будет через умных эмиссаров разведать настроение казацкой нации, привыкшей к свободе... Да, заметь бы в лице казачества верного военного союзника. Если возникнет война, недовольные казаки будут плохо сражаться. Их легко можно будет поднять на восстание, обещая им независимость. Необходимо найти среди казаков какогонибудь смелого, который отважился бы организовать восстание и повторить историю Пугачева».

Эти рассуждения у него появились после прочтения одного агентурного материала, в котором французский лазутчик, работавший на Дону, сообщал своему шефу:

«Казаки терпеть не могут жителей Великороссии, почти так же, как ирландцы – англичан... Если вспыхнет война, казаки, которые очень недовольны, будут плохо сражаться. Их легко можно поднять на восстание, обещая им независимость».

Вот почему казачий Дон казался первому пожизненному консулу Франции Наполеону Бонапарту не таким уж далеким!

В перспективных планах самоуверенного Бонапарта была даже запланирована вербовка донского атамана Матвея Платова. Надо отметить, что в Россию забрасывались лазутчики под видом странствующих комедиантов, шутов, нищих, монахов, странников, гадалок, врачей, гувернеров и прочие. Некоторые агенты были сразу же разоблачены: Гурский, Фишер, Граве и другие.

Весной 1811 года на Дон забрасывается французская «великолепная семерка» во главе с состоявшим на службе в армии Наполеона неким польским полковником А.С. Плятером. Группа лазутчиков под видом русских военнослужащих прошла через белорусские и украинские земли, Центральную Россию и углубилась на территорию казачьего Дона.

Они проникли уже на Волгу, дойдя до Царицына. Пятеро из семерки были арестованы волгарами. После задержания их наградили пудовыми кандалами, а затем посадили в темницу. А вот полковнику Плятеру и его помощнику майору Пикорнелю удалось выскользнуть и направить свои стопы в сторону Дона и донских просторов.

Миная заставы и пикеты, они снимали схемы дорог и переправ через реки, военных и гражданских баз снабжения, лазаретов и постоев; фиксировали движение воинских обозов, особенно по направлению на запад; хитро выпытывали есть ли у крестьян-станичников оружие и много ли кавалерии и конных заводов находится в глубине России. Собираемые сведения они передавали через связных в Варшаву.

Кроме того лазутчики, бродя по хуторам и станицам, распространяли пасквили на Русскую армию, утверждая, что казачеству место только в едином строю с Великой армией Бонапарта – освободителя от крепостного права. Обещали огромные деньги тем, кто возглавит восстание против России.

Но «сумнительных» типов сумели распознать бдительные казаки. Почувяв, что попали под подозрение, поляки в районе станицы Трехостровской выбросили в реку Дон весь уликовый материал. А дальше на лошадях пытались скрыться, но 5 августа 1812 года лазутчики были настигнуты казаками во главе с атаманом Варламовым в районе станицы Качалинской. Майору Пикорнелю удалось сбежать.

Плятера сначала допросили следователи 2-го Донского сыскного отделения.

– Назовите свою фамилию, – поинтересовался следователь.

– Плятер, – последовал ответ.

– Кто вы?

– Я русский офицер. Нахожусь здесь по делам воинской службы.

– Чем можете подтвердить это?

– Пачпортом...

Через несколько дней задержанного доставили в кабинет прокурора Войска Донского Александру Арнольди, которому он признался в даче ложных показаний следователям сыскного отделения.

– Так кто вы на самом деле? – строго спросил прокурор.

– Я Плятер, польский полковник...служу во французской армии...По заданию своего руководства 1 мая 1811 года перешел российскую границу с группой в семь человек для проведения шпионства против Русской армии.

– Где вы уже побывали?

– Примерно в более чем десяти губерниях.

– Каких?

– В Калужской, Тульской, Тамбовской, Воронежской..., – после перечисленных четырех, он запнулся.

– Давайте, давайте, перечислите остальные вами обследованные территории, – настаивал Арнольди.

– Симбирской, Оренбургской...далее запямятовал. Там я потеряли пять моих соплеменников. После в районе Саратова меня с сотоварищем ограбили разбойники. Забрали у нас пачпорта и деньги.

– Как же у вас оказался вновь русский пачпорт?

– Нам их помог добыть местный чиновник. С ними мы и отправились в Царицын, а оттуда пришли на Дон.

– Какую задачу вам поставили?

– По этим губерниям мы обследовали ваши тыловые силы. Нас интересовало состояние складов вооружения, пороховых арсеналов, а также продовольственных запасов и фуража.

– За добываемую информацию вы платили источникам?

– Да...а!

– Какими деньгами?

– Фальшивыми.

– Где вы их достали?

– Нас снабдили в Варшаве... На допросах Плятеру ставились и другие вопросы. Тотчас же о задержании крупного французского агента было доложено Кутузову, а последний информировал императора Александра. Государь на депеше учинил краткую резолюцию:

«Поступить с ним по всей строгости существующих законов и по исполнению донести мне!»

К сожалению, нам не дано знать, как решилась судьба Плятера. Очевидно одно – в Варшаву его не отпустили и судили по всей строгости закона, применяемого к таким преступникам.

Поднять казачество на измену Плятеру и его сподвижникам по тайному ремеслу не удалось. Более того, донские казаки атамана Платова одними из первых встретили французские полчища на территории России, прикрывая отход армии Багратиона. Они умело использовали многие тактические приемы – «клин», «завеса», «карусель». Но чаще использовали такие приемы, как «лава» и «вентерь», соответственно, лобовая, всепокрывающая, мощная атака или засада, когда противник атакывался в лоб и с флангов.

Кутузов высоко ценил казацкую боевую мощь и с нетерпением ждал прибытия дончаков, показавших себе героями в сражениях с полками Великой армии Наполеона. Потом Михаил Илларионович скажет:

«Почтение мое к Войску Донскому и благодарность к подвигам их в течение кампании 1812 года, которые были главнейшей причиной к истреблению неприятеля».

Потом донские казаки двинулись вглубь Европы. В 1813 году участвовали в битве под Лейпцигом, а 18 марта 1914 года вступили в Париж и разбили лагерь на Елисейских полях на радость парижанок.

После войны ходил анекдот о том, что Наполеон предложил Матвею Платову сформировать для Франции воинское соединение из двадцати тысяч казаков.

– Ваше величество, – ответил Платон Бонапарту, – пришлите нам на Дон двадцать тысяч молоденьких французенок – и Вы получите через 20 лет двадцать тысяч казаков!

Итак, мечтам Наполеона победить Россию, потом вступить с ней в союз и вместе с русскими ворваться в юго-восточное Эльдorado – Индию, не удалось осуществиться. Планы Бонапарта были разрушены силой, мужеством и стойкостью русских ратников. Ему не помогла ни Великая армия, ни его выдающиеся маршалы, ни шпионские войны, ни фальшивые банкноты!

«Дипломатия» Луи де Нарбонна

Наполеон понимал, что Россия для него – это загадочная, не понятая страна и не только из-за громадных просторов, но и прежде всего из-за состояния армии и планов ее использования императором Александром I. Поэтому, готовясь к будущим баталиям, он осознавал всю тяжесть и опасность принимаемого решения. Свою стратегическую затею он воспринимал, как «самое великое, самое трудное, на которое он когда-либо решался». В письме от 2 апреля 1811 года к вюртембергскому королю он словно исповедуется:

«...Война начинается против его желания (императора Александра. – Авт.), против моего собственного, против интереса Франции, так же как и России. Я часто был свидетелем подобных фактов, что опыт прошедшего открывает мне будущее».

А опыт прошедшего у него был велик. Почти вся Центральная Европа лежала у его ног – она была завоевана его доблестной Великой армией.

Зимой 1812 года он еще раз сверяет свои намерения со взглядами на войну видного дипломата, бывшего посла Франции в России Армана де Коленкура, которого совсем недавно заменил его коллега Жан Александр Ло де Лористон. В частном разговоре с Коленкуром Наполеон заявляет:

«Я оккупирую север Германии лишь для того, чтобы придать силу запретительной системе, чтобы действительно подвергнуть Англию карантину в Европе. Для этого нужно, чтобы я был силен повсюду. Мой брат Александр (русский император. – Авт.) упрям и видит в этих мерах план нападения. Он ошибается. Лористон непрерывно объясняет ему это, но у страха глаза велики, и в Петербурге видят только марширующие дивизии, армии, в боевой готовности, вооруженных поляков».

Но Коленкур понимал – шеф лукавит, так как все шаги и действия Наполеона говорили, что он идет напрямик, идет к войне вместе со своей непобедимой Великой армией.

Но чем дальше и глубже его поглощали размышления о войне с Россией, тем сильнее и вдумчивее он стал относиться к информационному обеспечению затеянного им наступления Великой армии. Для этой цели он усиливает разведывательную деятельность в отношении Русской армии и двора его Величества. Кроме лазутчиков, забрасываемых в глубокий ее тыл, он использует и дипломатические каналы.

В виду исключительной важности начинаемой военной кампании, Наполеон, как говорится, еще раз хотел сверить часы и найти ответы на острые вопросы стратегического характера. Для этой цели он посылает в апреле 1812 года в Вильно, где пребывал российский император Александр I с «культурной» программой, а вернее смотром войск, одного из своих самых приближенных друзей, генерал-адъютанта графа Луи де Нарбонна.

Русский император понимал, что Наполеон, двигая армию на восток, нацеливает ее на Россию. В частности от разведчиков он узнал о нахождении маршала Даву уже на Висле. Царь прибыл в Вильно с большой и представительной свитой, в которую входили: государственный канцлер Румянцев, председатель государственного совета Кочубей, обергофмаршал двора граф Толстой, генерал Аракчеев, министр полиции Балашев, адмирал Чичагов, статс-секретарь, вицеадмирал Шишков и генерал от инфантерии Римский-Корсаков, назначенный литовским военным губернатором на место Бенгисена.

21 апреля 1812 года был день Пасхи. Государь присутствовал при богослужении в дворцовой церкви. При смотре частей гарнизона в Вильно, состоявшего из двух бригад и 4-х пехот-

ных дивизий, остался доволен его боеготовностью. В приказе по 1-й западной армии было объявлено начальствующим лицам высочайшее благоволение.

Нижним чинам пожаловал по рублю и по фунту говядины на каждого.

А вот инспекцией, прибывшей в Вильно 1-й артиллерийской бригаде, остался недовольным. Командиру бригады полковнику Глухову объявил высочайший выговор и сместил его с должности.

Император провел смотр войск, расположенных в Жмуди. В сопровождении военного министра Барклая-де-Толли они проинспектировали 1-й пехотный корпус Петра Христиановича Витгенштейна. Император остался доволен состоянием войск и поблагодарил начальников всех частей корпуса.

Он не только проделал смотры войск, но и выполнил ряд мероприятий культурного значения. Много общался с местным населением. Как отмечал современник Лавринович:

«Всякий имел к императору свободный доступ, и всякий мог его свободно лицезреть: то прогуливающимся по чудным окрестностям Вильны, то делающим, смотры войску, котораго в этот год в городе было видимо-невидимо».

В работе Федота Кудринского «Вильна въ 1812 году» есть упоминание о разоблаченном польском шпионе. Он писал, что во время пребывания императора в Вильно обнаружилось нахождение в городе французских шпионов. Действительный статский советник Яков Иванович Де Санглен – руководитель политического сыска, весной 1812 года назначенный начальником высшей военной полиции (военной контрразведки) 1-й Западной армии М.Б. Барклая-де-Толли поручил виленскому полицмейстеру Вейсу следить за всеми приезжающими в Вильно. Сам же Яков Иванович начал посещать известный тогда ресторан Крешкевича. Его внимание вскоре превлек крайне говорливый и развязный поляк, назвавшийся себя Дранжевским. Санглен познакомился с ним и, выведав, что нужно было, приказал Вейсу провести в его квартире обыск. Под домом и в дымоходной трубе были обнаружены записки Дранжевского о нашей армии, генералах, разные военные инструкции. Дранжеевский был арестован и выдал соучастников по шпионскому ремеслу, которых тоже удалось задержать.

* * *

А как же вел себя Луи де Нарбонн? Какие тайные задания он получил, и какие задачи должен был решить в Вильно? Ему было поручено: секретно выведать план военных действий Русской армии, выяснить настроения литовцев по отношению к России, войти в тайные сношения с видными и влиятельными представителями польского общества в городе Вильно. Но было у него и главное поручение: узнать, не планируется ли сосредоточение русских корпусов на границе и не начнет ли Русская армия военную кампанию первой?

Как писал уже упоминаемый Федот Кудринский Наполеон, готовясь к открытию военных действий и двигая армию к берегам Вислы и Немана ожидал, что русские упредят его и вторгнутся в восточную Пруссию и герцогство Варшавское, которые были им намечены, как исходный пункт вторжения в пределы России. Такое движение русских войск было очень желательно Наполеону. Пользуясь превосходством своих сил, он имел бы на своей стороне все военные преимущества. Но русские далеки были от таких планов.

Официально же миссия Нарбонна заключалась в том, что он должен поздравить русского императора Александра Павловича с прибытием в город Вильно и заявить, что император французов вовсе не желает войны, согласен мирным путем уладить все возникшие недоразумения и попросить русского императора следовать договорам, заключенным в Тильзите и Эрфурте.

Через сто с лишним лет, в 1941 году, возникла похожая ситуация, когда сначала Молотова, а потом Сталина убаюкивали Риббентроп и Гитлер. Фюрер накануне войны, а именно 14 июня послал советскому вождю свои искренние заверения о ненападении.

Не успел Нарбонн выехать по назначению, а шеф военной контрразведки Санглен через свою агентуру точно уже знал и о маршрутах его поездок, и о местах посещений.

Нарбонн прибыл в Вильно 6 мая 1812 года в 9 часов утра в сопровождении капитана Сабастини, поручика Шабот, курьера Гаро, камердинера Гранто и двух лакеев Мере и Пери.

7 мая Нарбонн был приглашен во дворец к Государю на аудиенцию. Русский император в беседе с французом указал на необоснованность претензий Наполеона Бонапарта. Александр I внимательно посмотрел на французского посланника и заявил:

«Я не ослепляюсь мечтами; я знаю, в какой мере император Наполеон великий полководец, но на моей стороне, как видите, пространство и время. Во всей этой враждебной для вас земле нет такого отдаленного угла, который куда бы я ни отступил, нет такого пункта, который я не стал бы защищать, прежде чем согласиться заключить постыдный мир. Я не начну войны, но не положу оружия, пока хоть один неприятельский солдат будет оставаться в России».

В словах русского императора о том, что на его стороне самое главное и победоносное оружие – «пространство и время», был прогноз для француза. Это оружие могло победить в 1914-ом и победило в 1941 году.

Нарбонн потом заявит, что:

«Александр так тверд в своих убеждениях, доводы его так сильны и логичны, что я не мог ему ничего ответить, кроме пустых придворных фраз».

Таким образом, он саморазоблачился, признав, что его миссия не увенчалась успехом. На другой день, в 18 часов 33 минуты он покинул резиденцию, выехав в Варшаву. Выслушав отчет Нарбонна о поездке в Вильно, Наполеон выпалил: «Хотят войны, я ее начну...».

После этого он отдал своим войскам приказание двигаться к русским границам. 28 мая Наполеон выехал из Дрездена в Познань, а русский Государь в это время побывал на балу в имении генерала от кавалерии Леонтия Леонтьевича Бенигсена в Закрете, где получил известие от Санглена о том, что Наполеон начал переправу.

– Я этого ожидал, – воскликнул Александр, – но бал всетаки будет.

И действительно бал состоялся. Государь станцевал с супругой хозяина, а потом, обуреваемый тяжелыми мыслями о начавшейся войне, незаметно покинул имение, не показав ни малейшего беспокойства.

* * *

Известие о вторжении Наполеона произвело на Александра Павловича тяжелое впечатление. Он знал, что невозможно сдержать противника, дать ему крупное сражение и выбросить со своей территории. Знал и о намеченной стратегии военного министра – не давать генерального сражения Наполеону.

Подписав некоторые срочные бумаги, он направил рескрипт генералу-фельдмаршалу Петру Ивановичу Салтыкову о подготовке войск к отражению агрессии. В этом обращении есть знаменательные слова:

«Не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем».

В середине ночи он вызвал к себе бывшего обер-полицмейстера, ставшего министром полиции Александра Дмитриевича Балашова, и сказал ему:

«Ты, наверно не ожидаешь, зачем я тебя позвал. Я намерен тебя послать к императору Наполеону. Я сейчас получил донесение из Петербурга, что нашему министру иностранных дел прислана нота французского посольства, в которой изъяснено, что как наш посол князь Куракин неотступно требовал два раза в один день паспортов ехать из Франции, то сие принимается за разрыв и повелевается равномерно и графу Лористону просить паспортов и ехать из России...».

На словах «ехать из России» он остановился, словно пораженный внезапным ступором, затем, медленно выходя из него, добавил:

«Если Наполеон намерен вступить в переговоры, то они сейчас могут начаться, с одним условием, чтобы армии его вышли за границу; в противном же случае, даю слово, докуда хоть один вооруженный француз будет в России, не говорить и не принять ни одного слова о мире...Пусть же будет известно Европе и послужит новым доказательством, что начинаем войну не мы».

Балашов с поручениями Александра Павловича выехал в ту же ночь и на рассвете оказался в небольшом местечке Россиены, где располагалось небольшое подразделение авангарда французской армии. Гусары провели его сначала к Мюрату, кстати, женатому на сестре французского императора, а потом доставили в штаб 1-го корпуса маршала Даву.

Как писал Е.В. Тарле Даву, который «весьма грубо, невзирая на протест, отнял у Балашова письмо Александра и послал его с ординарцем к Наполеону. На другой день Балашову было объявлено, чтобы он передвигался вместе с корпусом Даву к Вильно. Только 29 июня Балашов попал таким образом в Вильно, а на другой день 30 июня к нему пришел камергер Наполеона граф Тюрэнн, и Балашов явился в императорский кабинет».

По воспоминаниям самого Балашова, написанным много лет спустя, после той исторической встречи, Наполеон признался:

«Я знаю, что война Франции с Россией не пустяк ни для Франции, ни для России. Я сделал большие приготовления, и у меня в три раза больше сил, чем у вас».

Потом он стал корить Александра за убийство отца, нелестно отозвался о полководческих способностях Барклаяде-Толли и, скрестив руки на груди, прошелся по кабинету, остановившись у окна. Внимательно посмотрел на Балашова и почти сочувствующе заметил:

«Никогда ни одна из ваших войн не начиналась при таком беспорядке... Сколько складов сожжено, и почему? Неужели у вас предполагали, что я пришел посмотреть на Неман, но не перейду через него? И вам не стыдно? Со времен Петра I, с того времени, как Россия – европейская держава, никогда враг не проникал в ваши пределы, а вот я в Вилне, я завоевал целую провинцию без боя. Уже хотя бы из уважения к вашему императору, который два месяца жил в Вильне со своей главной квартирой, вы должны были бы ее защищать! Чем вы хотите воодушевить ваши армии, или, скорее, каков уже теперь их дух? Я знаю, о чем они думали, идя на Аустерлицкую кампанию, они считали себя непобедимыми. Но теперь они наперед уверены, что они будут побеждены моими войсками».

Балашов, однако, нашелся, что сказать и осмелился предсказать ход и результаты войны словами:

«Это будет война всей нации, которая является грозной массой. Русский солдат храбр, и народ привязан к своему отечеству».

После обеда, устроенного императором Франции, на который были приглашены Балашов и ряд высокопоставленных чиновников наполеоновской администрации, а также несколько маршалов Великой армии, русский посланец вернулся и доложил Александру о разговоре с Наполеоном.

25 июня 1812 года Русским императором был отдан приказ по войскам, объявляющий об агрессии Наполеона и начале войны.

Миссии посла Куракина

Как известно, дипломатия и разведка – это две сестры, кровно связанные между собой. Они всегда друг другу помогали и помогают до сих пор, даже если находятся за пределами своего государства. Мне хотелось остановиться на деятельности человека, которого русский Император Александр Первый отправил на «передовую» горячей дипломатии в Париж накануне Первой Отечественной войны 1812 года. Речь пойдет о князе Александре Борисовиче Куракине (1752–1818). Он был первенцем князя Бориса Александровича и его жены Елены Степановны, дочери фельдмаршала С.Ф. Апраксина. Получив прекрасное образование за границей и общаясь с такими своими сверстниками как Н.П. Румянцев, Н.П. Шереметьев, Н.Б. Юсупов, С.С. Апраксин он быстро сделал себе карьеру. Вот его ступени служебной лесенки: камер-юнкер, камергер, предводитель дворянства. Он был даже посвящен в высшую степень масонства, став гроссмейстером русской православной ложи.

Но время, как и политика изменчивы. Время, конечно же, лучший учитель, но, к сожалению, оно убивает своих учеников. Что-то наподобие казни случилось и с А.Б. Куракиным. В молодые годы он увлекся масонством. С приходом Екатерины II масонство оказалось не столько в забвении, сколько в неприятии. А когда Императрицей была зафиксирована встреча в Петербурге шведского короля Густава III – видного европейского масона в доме Куракина, с ее стороны последовала резкая реакция и Александр Борисович был выслан из Петербурга в саратовскую деревню – село Борисоглебское, которое пленник вскоре переименовал в Надеждино. Устроив шикарную усадьбу, он прожил в ней эдаким русским, довольно таки общительным и хлебосольным барином целых восемь лет. Жил в свое удовольствие!

После смерти Екатерины II ее сын, новый император Павел Петрович позволил Куракину вернуться в Петербург. Возвратившийся из изгнания, он стал расти в чинах и осыпаться наградами. Вот ступени его роста: тайный советник, вице-канцлер, действительный тайный советник. Его находят ордена св. Владимира 1-й ст. и Андрея Первозванного. Кстати, Куракин находился в качестве гостя за столом на ужине императора Павла Петровича в Михайловском замке, накануне убийства последнего 12 марта 1801 года. Именно Куракину было поручено опечатать и разобрать бумаги покойного государя. При вскрытии завещания императора Павла оказалось, что он «своему верному другу» завещал орден Черного Орла, носимый прежде Фридрихом II.

Новый Император России, не в пример отцу, рослый и красивый Александр Павлович поручил Куракину, который тоже был ростом и фигурой под стать государю, руководить внешнеполитическим ведомством – Коллегией иностранных дел.

Известный мемуарист того времени Филипп Филиппович Вигель в своих «Записках» так характеризует руководителя внешнеполитического ведомства:

«Смолоду князь Куракин был очень красив и получил от природы крепкое, даже атлетическое сложение. Но роскошь и сладострастие размягчили телесную и душевную его энергию, а эпикуреизм его был виден во всех его движениях, и лучезарное тихонравие его долго пленяло и уважалось, но в новое царствование, с новыми идеями, оно дало повод сравнивать его с павлином».

Чем не кандидат в дипломаты, ведь он жил принципами школы Эпикура, на воротах которой имелась надпись: «Гость, тебе здесь будет хорошо; здесь удовольствие – высшее благо». Куракин духовно поддерживал и лечил себя т. н. «четверояким лекарством». А древняя рецептура его состояла из таких компонентов: «не бойся богов», «не страшись смерти», «благо легко достижимо», «зло легко переносимо».

* * *

После Аустерлицкого поражения Русской армии Куракин повел себя действительно как дипломат. В подготовленной им докладной записке на имя Императора Александра I он предлагает немедленно усилить вооруженные силы России с одновременным сближением с Францией.

При посредничестве Куракина был заключен Тильзитский мир. Во время переговоров Наполеон и его министр иностранных дел Талейран изъявляли желание видеть в Париже от России именно такого человека. Александр Павлович дал добро, и с октября 1808 по ноябрь 1812 годы Куракин возглавлял русское посольство в столице Наполеоновской империи.

Он настолько глубоко вник в обстановку Франции того периода, в тонкости и казуистику наполеоновской политики, что выдавал «на гора» такую информацию, что ей бы позавидовали любые разведчики. Прогнозы его оказались точны, связи продуктивны, дипломатическое поведение безупречно.

Еще за два года до войны он пророчески, почти как полководец, предупреждал царя о неизбежности войны с «корсиканским чудовищем» Наполеоном и практически определил стратегию ведения будущей войны. Он ему в частности писал:

«Лучшая система этой войны, по моему мнению, это избежать генерального сражения и сколько возможно следовать примеру малой войны... и стараться затруднениями в подвозе припасов расстроить те огромные массы, с какими идут они на нас».

Думается и Барклай-де-Толли, и Кутузов с пониманием отнеслись к рекомендациям дипломата. За год до войны в докладе канцлеру Н.П. Румянцеву он говорит:

«Не время уже нам манить себя пустой надеждой, но наступает для нас уже то время, чтобы с мужеством и непоколебимой твердостью достойные и целостность настоящих границ России защитить».

Александр I часто задумывался над вопросом, почему в нарушении положений Тильзитского мира Наполеон активно готовится к нападению на Россию.

«Наверное, из-за того, что я не оценил по достоинству его сватовство и отказался выдать за него замуж мою сестру Анну, – рассуждал русский император. – По всей вероятности так оно и есть – Бонапарт, как и все коротышки, обидчивы и высокомерны. Но часы не идут назад. Драться, так драться. Мы не нападаем. Он лезет в наши просторы».

После того, как Куракину не удалось урегулировать русскофранцузские отношения, он покинул Париж, уверовав одну непреложную идею, что Россия проглотит Великую армию Бонапарта, а потому не стоит давать генерального сражения на границе. Так и случилось, в дальнейшем голодная и холодная армия Наполеона, брела навстречу своей гибели при Бородино и других местах, особенно при отступлении по Смоленской дороге. Правда, на первых порах щеголеватым дивизионным генералам и маршалам с серебристыми и золотыми позументами, при блеске орденов и с надраенными стремянами, удавалось гарцевать лихо на ухаженных лошадях. Но по мере продвижения на восток, при непрекращающихся атаках партизан и казаков, победоносная прыть захватчиков улетучивалась.

* * *

Постоянное и быстрое отступление Русской армии из-за превосходящей численности французов лишало нашего главнокомандующего генерала от инфантерии Барклая-де-Толли подготовить войска к сражению, вызывая в стране общественное недовольство. Зароптал народ. У офицеров и рядовых чинов тоже возникало недовольство беззубостью верховного командования. Император Александр среагировал моментально. Он снял Барклая-де-Толли и назначил главнокомандующим генерала от инфантерии Кутузова.

26 августа 1812 года две армии встретились на поле близ села Бородино, что в 125 километрах на запад от Москвы, для того, чтобы в генеральном сражении показать силу, мужество и добыть победу. Двенадцатичасовая битва показала, что обе армии примерно равны в этих показаниях.

Наполеон после бородинской сечи заметил:

«Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой. Французы в нем показали себя достойными одержать победу, а русские стяжали право быть непобедимыми...»

«Из пятидесяти сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано французами наиболее доблести и одержан наименьший успех».

А после разгрома Великой армии он выскажется по поводу Бородинского сражения так:

«Бородинское сражение было самое прекрасное и самое грозное, французы показали себя достойными победы, а русские заслужили быть непобедимыми».

Однако мы празднуем Бородинскую победу, но армия Наполеона не была еще разбита, и Кутузов приказал войскам отступить. Конечно, гений великого полководца подсказал ему однозначное решение поставленной Императором задачи – одержать победу с наименьшими потерями. Видимо, Кутузов помнил слова великого знатока о наполеоновской Франции, дипломата с задатками разведчика – графа Куракина.

Доживал он жизнь, хотя и холостяком, оставив около семидесяти детей по разным закуткам России и Европы от многочисленных случайных встреч. Удачен в данном случае воспетый в стихотворении Есенина поворот: «Детей своих по свету растерял...»

Агенты полковника Чернышева

Этот человек стал заметной фигурой накануне Первой Отечественной войны в качестве основного источника разведывательной информации из Парижа, куда он был послан по заданию императора Александра I. Двадцатипятилетний кавалергард, полковник Александр Иванович Чернышев являлся военно-дипломатическим агентом русского правительства при дворе Наполеона Бонапарта с 1809 по 14 февраля 1812 года, был одновременно фактически доверенным лицом русского императора. Надо сказать, что военная карьера Александра Ивановича развивалась стремительно. За Аустерлицкое сражение он был награжден орденом Владимира 4-й степени с бантом, в 1808 году получил орден Георгия 4-й степени.

Он успешно руководил деятельностью русской разведки в Париже. В вихре светских увлечений и удовольствий, в атмосфере придворных балов, ведя светский образ жизни, мотался по Парижу, танцевал, флиртовал, веселился. Чернышев познакомился с любимой сестрой Наполеона – Полиной Бонапарт, неаполитанской принцессой Боргезе. Кстати, это она осталась верной брату. После свержения Наполеона никто из родственников не был таким подспорьем для него, как Полина. Она, распродав свое имущество, отправилась в 1814 году на Эльбу, где находился в ссылке ее брат.

Среди платных агентов Чернышева одно время был даже министр полиции Фуше, хотя часто он использовал его «втемную» при выведывании нужной информации.

Александр Иванович неоднократно встречался с Наполеоном, которому он нравился за самостоятельность суждений, прямоту и светские манеры. Хотя в этой оценке Бонапарт ошибался, так как у Чернышева была своя роль, которую не должен был знать французский император.

Агентура Чернышева держала его в курсе передвижений Великой армии Наполеона в Центральной Европе и помогала правильно оценить внутривосточную ситуацию во Франции. Он первый сообщил о том, что маршал Даву отбыл в Польшу для инспекции и подготовки польских формирований, намеревавшихся вместе с французами выступить против исторически ненавистной им России.

Именно от Чернышева пришла глубокая аналитическая справка о том, что маршала Удино в последние месяцы приблизил к себе Наполеон за его торопливость скорейшего выступления против России, со стратегическим планом разгромить русских сразу же за Неманом и Днепром.

Начальник 10-й пехотной дивизии Русской армии светлейший князь генерал Иван Андреевич Ливен в своих записках писал, что без лидерства Русского императора было бы невозможно ни сколотить антинаполеоновскую коалицию в 1813 году, ни перенести войну на территорию Франции в 1814 году. И если бы царь Александр I не перенес боевые действия в Европу, то Россия в скором времени столкнулась бы с еще более сильным натиском со стороны Наполеона, который к весне тринадцатого года собрал бы новую Великую армию; сателлитов для рекрутства у него еще хватало.

Первые важные донесения от Чернышева поступили в начале августа 1810 года. Как не удивительно, но главным источником важной информации был сам Наполеон. Как писал В.Д. Черевичный:

«Свои плоды давали его долгие беседы с Чернышевым в неофициальной обстановке, когда император, ни о чем не подозревая, он проговаривался о самых секретных вещах. Теплые отношения русского полковника с Наполеоном не были секретом для окружающих, и это придавало ему вес в свете и позволяло расширить круг полезных знакомств. Но «всепарижскую»

славу и любовь Чернышев приобрел после знаменитого пожара зимой 1810 года в доме австрийского посланника.

От плохо закрепленной свечи вспыхнул занавес в тот момент, когда приглашенные на бал гости беспечно танцевали. Мгновенно загорелась сухая мебель, пламя охватило стены, легкие платья дам. Началась паника, в бушующем огне гибли десятки людей, цвет парижского общества. Какой-то офицер вскочил на подоконник, его громкий повелительный голос заставил людей опомниться, не давить друг друга. Он тут же на месте организовал группу смельчаков-спасателей, которые, бросаясь в огонь, вытаскивали беспомощно кричавших людей.

Сам герой вынес из огня двух женщин – Каролину Мюрат и Полину Боргезе, двух сестер императора Наполеона. Этим героем был Александр Чернышев. Наутро слава о нем разнеслась по Парижу. Его даже прозвали «маленьким царем Парижа». Не было в обществе человека, который не мечтал бы познакомиться с умным, красивым, отважным «любимцем двух императоров».

За короткий срок Чернышеву удалось создать разветвленную сеть информаторов в правительственных и военных кругах Франции. «Друзья» были не только «платоническими», многие из них были подкуплены за немалые деньги, в том числе и личные».

Именно через материалы платной (негласной) агентуры нашему офицеру удалось предугадать основные контуры стратегического замысла Наполеона и направление главного удара его Великой армии, а также численности войск его Первого эшелона. Он выдвинул идею так называемого «победоносного отступления». В частности он писал главнокомандующему Русской армии:

«Затягивать продолжительное время войну, умножать затруднения, иметь всегда достаточные армии в резерв. Этим можно совершенно спутать ту систему войны, которой держится Наполеон, заставить отказаться от первоначальных своих планов и привести к разрушению его войска вследствие недостатка продовольствия или невозможности получать подкрепления или вынудить к ложным операциям, которые для него будут губительны».

Одним из агентов Чернышева стал сотрудник военного министерства Франции Мишель. Он входил в группу офицеров, составлявших дважды в месяц так называемую «Краткую ведомость» – сводку о численности и дислокации французских вооруженных сил. Она составлялась в одном экземпляре и предназначалась лично Наполеону. Но Мишель брал на себя труд снимать копию этого документа для Чернышева. Через неделю эту копию специальный курьер доставлял императору Александру I.

«Зачем не имею я побольше министров, подобных этому молодому человеку», – такую надпись сделал царь на полях одного из сообщений Чернышева.

10 января 1811 года, через несколько дней после пожара, молодой военный атташе вечеринкой отметил свое двадцатипятилетие. Одну из гостей он поехал провожать лично. Это была Полина Боргезе, славившаяся своим легким нравом и беломраморным телом. В эту ночь он домой не вернулся.

Другой его дамой сердца была Полина Фурес. Еще во время египетской кампании она была любовницей Наполеона. Вернувшись в Париж, она завела светский салон, всегда полный умных и интересных гостей.

Одним из завсегдатаев вечеринок был «хозяин картографии» – секретарь топографической службы Наполеона. Он снабжал Чернышева копиями совершенно секретных карт ряда городов Европы, где строились новые дороги, склады и арсеналы.

Бывали тут и маршалы Великой армии: Удино, Лefевр, Даву, Бернарот, Груши и другие, которым он дал четкие и правдивые характеристики.

Лично от Наполеона он получил первые данные о намерении Франции напасть на Россию, что было сразу же доложено Александру Павловичу.

Однажды, исполняя поручение русского императора вручить его письмо Наполеону, Чернышев был вынужден для исполнения задания выехать в Испанию, где в это время в замке Мараке находился французский лидер с целью подавления вспыхнувших народных волнений. По возвращению в Россию Чернышеву удалось собрать много секретных сведений о численности французских войск, находящихся в Испании, о запасных частях, готовившихся для отправки в качестве подкрепления, об очагах восстаний и конкретных фактах недовольства испанцев французами, о местах дислокации военных гарнизонов в восточной части Франции и другие материалы разведывательного толка. Обо всем он подробно доложил государю, который остался доволен сделанной работой Чернышева.

* * *

Активная разведывательная деятельность Чернышева не могла остаться незамеченной со стороны неприятельских спецслужб. Уже весной 1812 года он почувствовал повышенный интерес со стороны французской полиции к своей персоне. Кстати, в этот период был разоблачен его ценный агент Мишель. Скоротечные расследования через следствие и суд вели его на эшафот к гильотине. Встречаясь с другим ценным агентом, он заметил за собой слежку.

«Неужели «хвост» за собой привел мой помощник? – подумал Чернышев. – Значит, он расколот или перевербован... Значит, я работаю с подставой. Но нет, материалы его добротные, перепроверены и высоко оценены в Петербурге. Сам император похвалил меня».

Та встреча прошла благополучно, но от других личных встреч пришлось на некоторое время отказаться. А тем временем вокруг Чернышева была соткана целая шпионская сеть. Руководство полиции докладывало Наполеону о широкой осведомленности русских по мероприятиям подготовки французов к войне с Россией. После чего в армии и в штабах разных степеней военная контрразведка повысила активность на вероятных каналах утечки секретной информации.

В войска поступил грозный рескрипт Бонапарта, в котором говорилось:

«Министр полиции меня информирует, что краткая ведомость о дислокации войск империи – та, что направляется посольством каждые три месяца, – оказывается у русских, как только она выходит в свет. Эта ведомость дошла даже до их войск и штабов. Горе тому, кто виновен в этом презренном предательстве, я смогу навести порядок, разоблачить преступника и заставить его понести наказание, которое он заслуживает».

Чернышеву пришлось применить всю свою изворотливость и влияние, чтобы не погубить ценного агента. Практически его линия поведения была такова, что в ходе своих конкретных действий он дал повод для подозрения совершенно другого французского военного чиновника.

Но кольцо подозрений против русского военного атташе с каждым днем сужалось. Все чаще он фиксировал за собою слежку. Возле его дома ежедневно выставлялись филеры, занимающиеся наружным наблюдением. Чернышев понимает, что он может быть задержан, арестован и обвинен в шпионаже, поэтому просится отозвать его в Россию.

Он посылает в Петербург шифровку такого содержания:

«Прошу предоставить мне отпуск по состоянию здоровья. Лечиться я намерен в своем имени парным молоком и свежим воздухом».

Это был сигнал или пароль Центру, говоря современным языком – попал под подозрение спецслужб и надо срочно покинуть страну пребывания. И не потому, что боится оставаться в Париже, он рвется в войска, дабы применить свои знания, опыт и силу на поле брани. Поэтому накануне запланированного срочного отъезда полковник уничтожает всякие уликовые материалы. Однако избавление пришло неожиданно от самого Наполеона, принявшего решение отправить Чернышева с очередным письмом к российскому императору Александру. Таким образом, он благополучно покидает Париж. Вовремя он убыл из Франции.

На следующий день после его отъезда, рано утром в его апартаменты ворвались полицейские. Они перерыли все закутки, просмотрели шкафчики и тумбочки, и, найдя в камине только почерневшие легкие лоскутки бумажной золы, решили «обнаружить» следы шпионства. Да как? Заранее заготовленные «компрометирующие материалы» были подброшены в качестве улики по указанию министра полиции Фуше, в частности, рукописный листок, исполненный якобы Мишелем – надо же было показать своему венценосцу, что они не даром жуют имперский хлеб!

* * *

Во время пребывания А.И. Чернышева в Париже он имел контакты с бывшим министром иностранных дел Франции Шарлем Морисом де Талейраном, который возглавлял это ведомство при трех режимах, начиная с Директории и кончая правительством Луи-Филиппа.

Талейран считал, что для достижения богатства должны быть два условия – власть и женщины. И если внимательно присмотреться к его служебной деятельности и поведению в быту, то мы увидим, что от этих двух принципов в жизни и службе он никогда не уклонялся. Именно женщины помогали ему пробираться на самые высокие ступени карьерной лестницы. Интриги, обман, коварство, заискивание, лесть, обещания – это были его поводыри по жизни. Он легко соглашался со словами: «обидно, когда ты – Иуда, а тебя продают, как Христа», и менял свои принципы, как белье. Талейран, как потом скажут о нем исследователи – свой медный лоб соединял с холодным сердцем.

Так за информацию о готовящейся женитьбе Наполеона на австрийской эрцгерцогине Марии-Луизе Талейран запросил 3000 франков, а за сведения о перевооружении французской армии 4000 франков. Выгода и деньги для него были всем.

Вот почему он оказался для русской разведки находкой. Агентурные сообщения, подписанные псевдонимами: Кузен Анри, Красавец Леандр, Анна Ивановна, Юрисконсульт и многими другими, отсылались в Петербург и с интересом читались царем. Как-то на встрече с Чернышевым император Александр заметил, имея в виду псевдоним Талейрана – «Анна Ивановна»:

«Эта «дама» обошлась русской казне в кругленькую сумму, но информация ее того стоила!»

А ведь этот источник был тесно связан с «великим корсиканцем». О близости к Наполеону Талейран в своих мемуарах так говорил об императоре:

«Я любил Наполеона, даже чувствовал привязанность к его личности, несмотря на его недостатки; в начале его возвышения я чувствовал себя привлеченным к нему той непреодолимой обаятельностью, которой великий гений обладает; его благодеяния вызывали во мне искреннюю признательность...Я пользовался его славою и ее отблесками, падавшими

на тех, кто ему помогал в его благородном деле...Поставленный самим Бонапартом в необходимость выбирать между ним и Францией, я сделал выбор, который мне предписывался самым повелительным чувством долга, но сделал его, оплакивая невозможность соединить в одном и том же чувстве интересы моего отечества и его интересы. Но тем не менее я до последнего часа буду вспоминать, что он был моим благодетелем, ибо состояние, которое я завещаю моим племянникам, большей частью пришло ко мне от него. Мои племянники не только не должны забывать этого никогда, но должны сообщить это своим детям, а их дети – тем, кто родится после них, так, чтобы воспоминание об этом было увековечено в моей семье из поколения в поколение, чтобы, если когда-либо человек, носящий фамилию Бонапарта, очутился в таком положении, когда он будет иметь надобность в поддержке или помощи, чтобы мои непосредственные наследники или их потомки оказали ему всевозможную зависящую от них помощь. Этим способом более, чем каким-либо другим, они покажут свою признательность ко мне, почтение к моей памяти».

Как видите, гешефт он хотел выдоить даже после смерти. А при жизни он воровал, присваивал, обманывал того же самого, которого «любил». О его махинациях написаны тома книг, поэтому это повествование обходит конкретику воровства Талейрана.

Как писал Тарле, знал ли Наполеон о том, как его обманывает и обворовывает его министр? Конечно, знал. Точно так же, как Петр I знал о проделках Александра Даниловича Меншикова. И Наполеон долго не прогонял Талейрана прочь по той же самой причине, по которой Петр не гнал, а только бил Меншикова дубиной. Наполеон, впрочем, не колотил Талейрана дубинкой, а только один раз схватил его публично за шиворот.

Министр умело хвалил Наполеона перед ближайшим окружением. А во время приезда Александра Павловича на встречу с Бонапартом в Эрфурт, он уже другой:

«Государь, для чего вы сюда приехали? Вы должны спасти Европу, а вы в этом успеете, только если будете сопротивляться Наполеону. Французский народ – цивилизован, французский же государь – нецивилизован; русский государь – цивилизован. А русский народ – нецивилизован, следовательно, русский государь должен быть союзником французского народа».

Это была тайная измена Талейрана Наполеону.

Что касается последних лет жизни эмигрировавшего из Франции авантюриста, то на 84-ом году, он вдруг решил получить отпущения грехов от самого Папы Римского. И он его получил. Когда стало об этом известно в Париже, то все столичные газеты вышли с броским аншлагом: «Князь Талейран всю жизнь обманывал Бога, а перед самой смертью вдруг очень ловко обманул сатану!»

* * *

Александр Иванович имел прощальную аудиенцию у Наполеона 13 февраля 1812 года. А летом того же года началась война!

Чернышев являлся ее активным участником, постоянно подогревая себя желанием лицом к лицу, открыто встретиться с противником на поле боя. До этого были сражения на невидимом фронте.

Так он во главе легкого конного отряда успешно действовал в тылу австрийского корпуса Шварценберга и, возглавив крупный партизанский отряд, в 1813 году взял город Кассель, обороняемый целой дивизией французов под командованием генерала артиллерии Алликса.

Когда по прошествии многих лет его спрашивали о причинах поражения Великой армии Наполеона, он не упомянул о своих заслугах в доведении упредительной информации военному министру и императору, как и не считал, что победоносный исход схватки с французами – это результат взрыва мифического «народного самосознания», о котором писали литераторы. Он видел в победе великую роль сильных личностей – императора и полководцев, ну и, конечно же, низших чинов – российских солдат, терпение и мужество, неприхотливость и стойкость, скромность и верность долгу которых поражала многих иностранцев.

Он говорил, что Александр Павлович блестяще разыграл немногие сильные карты, имевшиеся у него на руках. Без его лидерства убогая, небогатая и слабоуправляемая страна, какой была Россия в начале XIX столетия, вряд ли отбила бы натиск противника, опирающегося на экономику и ресурсы всей Европы. Этот подвиг смог повторить, при всех его «за» и «против», только Сталин в 1945 году в борьбе с немецко-фашистскими полчищами.

В дальнейшем Чернышев дослужился до высоких званий – генерал-адъютанта и генерала от кавалерии.

Заслуги его деле были замечены и отмечены руководством России. Так, в период правления Николая I он исполнял обязанности товарища управляющего главным штабом Его Величества, а затем и военного министра вплоть до 1852 года.

Книга вторая Вторая Отечественная война

Царская империя в огне

Второе десятилетие XX столетия выстраивалось с четким вектором на мирное сосуществование всех государств. Ничто не предвещало эпохально-кровавых событий. В мае 1914 года в Гааге в торжественной обстановке открылся Дворец Мира. На этом сборе присутствовали представители практически всех стран мира. XX век провозглашался веком мирного сотрудничества всех народов, столетием без войн и потрясений. Его еще называли веком единения и дружбы людей, независимо от вероисповедания и места проживания.

И, как бы, в подтверждение выше сказанного российский военный агент (*военный атташе*. – Авт.) во Франции и представитель русской армии при главной квартире полковник Алексей Алексеевич Игнатьев вспоминая это время писал, что «никогда еще за последние годы политический горизонт не казался столь безоблачным...»

Но оказалось, что весна 14-го года для европейцев явилась последним видением прежней жизни. 28 июня в Сараево студентом-гимназистом, боснийским сербом Гавриилом Принципом, были убиты австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга. Через несколько дней Австро-Венгрия предъявила ультиматум Сербии. А Сербия попросила защиты у России, так как выдержать удар начавших уже мобилизацию 11-ти австро-венгерских армейских корпусов она не могла. На обращение сербского престолонаследника Александра, Николай II ответил:

«Россия никогда не останется равнодушной к судьбе Сербии».

И балканское бродило закипело!

Уже в середине июля 1914 года царь Николай Александрович приказал ввести «предмобилизационное положение». А 18 июля он объявил полную мобилизацию, которая никакой опасности для немцев не представляла.

Дело в том, что в Германии подобные меры были приняты за пять суток до этого, и 19 июля в 19:00 она объявила войну России, затем стала требовать того же от колеблющегося венского правительства. Начальник Генерального штаба германской армии граф Мольтке-младший потребовал от австрийского генерала Конрада общей мобилизации австро-венгерской армии для участия в боевых действиях против России. 24 июля Австро-Венгрия объявила войну России. Так начинались первые кровавые поступы Первой мировой войны, о которой написано баталистами достаточно много произведений, но эта книга не о войсковых боях и сражениях, а о невидимых, тайных операциях разведки и контрразведки, для которых никогда не было и не будет понятия партнер даже после окончания противостояний.

По уточненным данным, к моменту выхода из войны общие потери Русской императорской армии составляли 1,7 млн. убитыми и умершими от ран (по другим данным более 5 млн.), 4,95 млн. ранеными и 2,5 млн. военнопленными.

В этом военном месиве пальбы, крови, криков и смертей упорно и целенаправленно действовали органы разведок и контрразведок воюющих сторон. Вообще, значение спецслужб в одинаковой степени велико и в мирное время, и в военное лихолетье. Если Разведка – Бог любой войны, то Контрразведка – Ангел Хранитель войск. Без Разведки армия Слепа, а без контрразведки – Беззащитна.

Для России эта война, я бы ее назвал Второй отечественной, Первой была война с Наполеоном в 1812 году, стала настоящей катастрофой – потерей своей исторической государствен-

ности, что привело к двум революциям и десяткам миллионов жертв, к потере территорий, к обнищанию и деградации народа, к утрате духовных и национальных ценностей. От всего этого страна не может опомниться до сих пор. Спасли СССР во Второй мировой войне, а для нас – Великой Отечественной, только глупости гитлеровского Провидения и мужество советского солдата и того народа, который жил и живет на просторах великого государства, урезанного до границ XVII века предательством правителей в 1991 году.

Россия в войне 1914 года планировала побеждать на полях сражений и готовилась к параду победы в Берлине. Начальник германского генерального штаба генерал фон Мольтке отмечал, что перед войной «боевая готовность России сделала исключительные успехи и находится ныне, как никогда раньше, на высоте. Следует в особенности отметить, что она некоторыми чертами превосходит боевую готовность других держав, включая Германию».

Если это правда, то с другой стороны является неправдой, что Россия, в отличие от ее противников, не была готова к войне. А еще было ментальное самопожертвование: в ходе героических битв первых лет войны Россия спасла от разгрома англо-французские армии и позволила Германии избежать длительной войны на два фронта.

Именно наши деды и прадеды остановили вражеские полчища, не пустив неприятеля в пределы коренной России. После осени 1917 года произошло то, что произошло, и побежденные немцы оказались в восточных областях Советской России.

К 1917 году у воюющих против России сторон – Австро-Венгрии, Болгарии и Турции, были практически истощены экономические ресурсы. Дело дошло до того, что в Германии был объявлен сбор медных дверных ручек и металлической посуды для нужд войны. А перед этим, в конце ноября 1916 года, Германское правительство выпустило ноту с предложением о перемирии. На весну 1917 года планировалось генеральное наступление Русской армии. Был близок день, когда генерал Юденич мог захватить одну из величайших православных святынь – храм Царьградской Святой Софии. И не вина нашего славного христоролюбивого воинства, что чаемая веками победа была вырвана из рук русского солдата глупостями Временного правительства.

Советская власть при засилье в ней иноверцев-большевиков, особенно ленинского периода, во имя сокрытия антинародной и богоборческой физиономии делала все, чтобы уничтожить память о Второй Отечественной войне, о ратных подвигах ее героев, о труде рабочих и крестьян во имя победы над врагами России.

Но Россия жива, – говорил мой дед. – Слава России! С нами, а значит и с нею сам Бог!

А еще, поражение рождалось предательством в тылу так называемой «прогрессивной общественности» и подрывной работой революционеров, получавших щедрое вознаграждение от врагов нашего Отечества.

Четыре страшных года противостояла Россия германскому и австро-венгерскому нашествию, спасая вероломных своих союзников, быстро забывших то, чем они обязаны русскому солдату и российскому народу. Это ощутит Советская Россия и в Третью Отечественную войну, когда Второй фронт союзники открыли только за год до окончательного разгрома Третьего рейха.

* * *

В годы Первой мировой войны (1914–1918) германская агентурная разведка имела строгую систему вертикали. Во главе всей разведывательной деятельности стоял отдел III-Б большого Генерального штаба. Отдел делился на несколько бюро, каждое из которых ведало разведкой в нескольких соседних странах. При пограничных корпусах существовали местные разведывательные отделения, выполнявшие задания центрального отдела: организовывали и руководили местной разведкой в отведенной им определенной зоне или полосе.

Кроме того, в различных приграничных городах имелись местные специальные разведывательные бюро. Помимо этих местных разведывательных органов отдел III Б также непосредственно занимался разведкой. Исполнителями на местах являлись секретные сотрудники и официальные военные атташе. Разведываемые страны делились на так называемые «инспекторские районы» во главе с инспектором. Районы инспекторов разделялись на бригадные участки. Для контроля инспекторов районов существовали специальные разъездные инспектора-контролеры. Их подбирали с особой тщательностью из среды подготовленных сотрудников, преданных делу разведки и имевших конкретные оперативные результаты в прошлом. Они вели работу, то есть контролировали и наблюдали за деятельностью отдельных агентов и резидентур, которые тогда назывались «ячейками».

Австрийская разведка не отставала от германской. Так, полковник австрийского генерального штаба Максимилиан Ронге (1874–1953) в работе «Разведка и контрразведка», изданной книгой Воениздатом НКО СССР в 1939 году писал:

«На основании обширного опыта я могу сделать общий вывод, что для разведывательной службы наиболее важны: трезвая оценка и последовательность, знание людей, компетентность в специальности, знакомство с неприятельской организацией и знание языков. Естественность, здравый смысл и осторожность – вот лучшие свойства разведчика».

Эти самые требования присущи и контрразведывательным службам. Надо отметить, что австрийские и германские спецслужбы уже тогда активно использовали формы и методы зарождающейся радиоразведки, подслушивания телефонов, наблюдения за противником с аэропланов и дирижаблей, средства тайнописи и глубокий опрос неприятельских пленных.

К началу XX века в царской России орудовало свыше полутора десятков основных шпионских организаций германо-австрийской разведки. Они действовали двумя группами. Первая – австрийская работала, главным образом, на территориях Юго-Западной России, в пределах Киевского и Одесского военных округов. Германские группы были раскинуты на просторах всей России. Основная сеть германской разведки располагалась в границах планировавшегося театра военных действий – нынешняя Польша, Литва и Петербургский военный округ.

Центральными органами, руководившими и направлявшими деятельность обеих разведывательных групп, являлись соответствующие посольства в Петербурге – Германское и Австрийское. Их агентура проникала к обобщенным секретам, сосредоточенным в верхах российского руководства, и имела конкретный успех. Так весь план подготовки России к войне четырнадцатого года был вскоре известен обеим разведкам. И они немало сделали для того, чтобы сорвать боеспособность русской армии. Также в значительной степени была парализована наша деятельность в Германской и Австро – Венгерской империях.

Масштабы предательства доходили до того, что в эти страны направлялись списки русской агентуры, а даваемые ей задания во многих случаях становились известными германской и австрийской контрразведке. Только поэтому в ходе «неизвестной войны» наша агентура легко ловилась противником и ликвидировалась.

Мотор германской разведки

Полковник Вальтер Николаи (1873–1947) родился в городе Брауншвейге в семье военно-служащего прусской армии и дочери крестьянина. В 1893 году посвятил себя военной службе. С 1901 по 1904 годы учился в Военной академии Генерального штаба в Берлине, а уже в 1906 году был принят на службу в ряды сотрудников уже упоминаемого выше отдела III Б военной разведки кайзеровской Германии. Его сразу же заметило руководство и послало руководить разведывательным пунктом в Кенигсберге.

Он сделал свой пункт образцово-показательным разведывательным форпостом против России, что не осталось вне поля зрения высокого берлинского начальства. В 1913 году его назначают руководителем разведывательной службы (отдел III Б), которая стала во главе с новым начальником решительными темпами готовить свою спецслужбу к войне. Николаи молча творил подвиги во имя кайзеровской Германии. На его служебном небосводе было много ярких звезд шпионажа. Одни незаслуженно блистали, превращаясь в идолов, каким до сих пор является Мата Хари, действовавшая в основном против французских войск, командование которых прикрыло свои поражения на фронтах происками голландской куртизанки. Она пала жертвой правосудия. На «знаменитую» шпионку века парижские судьи списали многие военные неудачи. Другие, более яркие и важные, десятилетия находились в тени из соображений секретности. Такими можно назвать птенцов гнезда Николаи: «агента № 17» – барона Августа Шлуга и сотрудницу разведотдела «фрейлейн доктора» – Элизабет Шрагмюллер.

27 сентября 1945 года на одном из первичных допросов в Берлине генерал НКВД Петровский на вопрос: назвать ценную агентуру, работавшую в пользу Германии на территории России, ответил так:

– Ценной агентуры в России разведорганы Германии вообще не имели, причем ни одного агента я не знаю, потому что вся агентура находилась под руководством офицеров разведки. А лично под моим руководством ни одного агента не было... Еще раз заявляю, в России ценных связей или ценной агентуры германская разведка не имела...

Потом к отставному полковнику Николаи в Берлине подвели более настырного следователя НКВД майора Афанасьева. На вопрос о характере заброски в Россию агентуры отделом тайной разведки, Николаи опять ответил прямолинейно:

– Заброска агентуры в Россию отделом тайной разведки проводилась самостоятельно! Так Афанасьев ничего толкового не добился от дремучего шефа германской разведки.

Все протоколы допросов, естественно, читал генерал-полковник Иван Серов, бывший в то время заместителем главнокомандующего Советской военной администрации Германии и уполномоченным НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск в Германии. Кстати, будучи близок к маршалу Жукову, историк Никита Петров отмечал их участие в мародерстве в послевоенной Германии, «вывозе оттуда трофейного имущества». Арестованный после войны по приказу министра госбезопасности Абакумова адъютант Серова (с 1942 по 1947 годы) М.А. Хренков на следствии показал, что по приказанию своего шефа в особняке гросс-адмирала Редера в Бабельсберге был выломан мраморный камин, который отправили в Москву и установили на квартире генерала.

«Крепкий орешек, – подумал уполномоченный НКВД, – даже если бы что и знал, не скажет этот немец. Ничего, на Лубянке из него выбьют спесь, развяжут язык наши мастера-следователи. Отвечать на задаваемые вопросы ему придется честно, иначе соседство с крысами обеспечено».

28 октября 1945 года Серов подписал документ:

«Согласно указанию народного комиссара внутренних дел Союза ССР товарища Берия Л.П. направляю самолетом в Москву арестованного бывшего начальника разведслужбы генерального штаба германской армии, полковника Николаи В.Г. Одновременно высылаю следственные материалы и материалы, изъятые при обыске на квартире Николаи в Нордхаузене».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.